

Алексей Писемский

Ипоходрик

Алексей Феофилактович Писемский

Ипоходрик

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=661495

Собрание сочинений в пяти томах. Том второй. Повести, рассказы, очерки. Драмы: Художественная литература; М.; 1982

Аннотация

«**Дурнопечин** (*сидит один перед столом в ваточном пальто*).
Удивительное дело, как идет жизнь моя!.. Страх какой-то... тоска... скука... (*Грустно усмехаясь.*) А как другие-то, посмотришь, прекрасно живут: веселые такие... смелые... жизнью как-то умеют пользоваться, а ты вот сиди себе да думай; но это бы еще ничего – жил бы себе просто, так нет!...»

Содержание

Действующие лица	4
Действие первое	6
Явление I	7
Явление II	8
Явление III	12
Явление IV	13
Явление V	17
Явление VI	20
Явление VII	26
Действие второе	28
Явление I	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Алексей Феофилактович
Писемский
Ипохондрик
Комедия в четырех
действиях

Действующие лица

Николай Михайлыч Дурнопечин (ипохондрик), 35 лет.

Соломонида Платоновна, тетка его, 60 лет.

Прохор Прохорыч Дурнопечин, брат Н. М. Дурнопечина
в 4-ом колене, 48 лет.

Настасья Кириловна Белогривова, дама лет 50, дальняя
родственница Н. М. Дурнопечина.

Ваничка, сын ее, 21 года.

Надежда Ивановна Канорич, девица, 36 лет.

Михайло Иваныч Канорич, брат ее, 33 лет.

Никита, слуга Дурнопечина, 40 лет.

Сергей, цирюльник, слуга Соломовиды Платоновны, 22
лет.

Действие происходит в уездном городе, в 40-х годах.

Действие первое

Театр представляет комнату вроде кабинета, стол с различными вещами, мебель хорошая, на диване разложено платье, на стене висит большое зеркало.

Явление I

Дурнопечин (*сидит один перед столом в ваточном пальто*). Удивительное дело, как идет жизнь моя!.. Страх какой-то... тоска... скука... (*Грустно усмехаясь.*) А как другие-то, посмотришь, прекрасно живут: веселые такие... смелые... жизнию как-то умеют пользоваться, а ты вот сиди себе да думай; но это бы еще ничего – жил бы себе просто, так нет!.. Беспреданно наскокиваешь на такие затруднительные положения, из которых не знаешь как и вывернуться: на родину было приехал, чтобы подышать чистым воздухом и успокоиться, и вдруг отыскивается какая-то старая любвишка! мальчишкой бывши, за барышней одной, Надеждой Ивановной Канорич, тут ухаживал, а теперь она пишет, что руки на себя наложит, если не женюсь на ней; но какой я жених?.. Куда я годен? А с другой стороны, подумаешь, что если в самом деле она руки на себя наложит? Что тогда ляжет на совесть? Пожалуй, и сам не перенесешь... Особенно при моем здоровье... Вон опять начало давить под ложечкою... Так!.. Пора!.. Ох, уж это мне утро... Вчера даже мало и ужинал, желудок должен бы быть хорош... (*Берет зеркало со стола и смотрит язык.*) Ну, так и есть: желтоват! С краев-то ничего – красен; а в середине желтоват!

Явление II

Входит Никита. Дурнопечин и Никита.

Никита (*про себя*). Опять рот пялит перед зеркалом.

Дурнопечин (*услышав его шаги*). Это ты, Никита?

Никита (*довольно грубо*). Я-с!

Дурнопечин. Поди вот тут встань поближе ко мне!

Никита подходит нехотя.

Скажи ты мне, братец, только смотри говори правду: не чувствуешь ли ты по утрам или после обеда, вечером, этакое неприятного ощущения... тяжести?

Никита. Нет-с: этого, кажись, не чувствую.

Дурнопечин. Припомни-ка хорошенько!

Никита. Чего припоминать-то, право, не чувствую-с!.. Вон грешным делом иногда с похмелья, так болит голова по утрам.

Дурнопечин. По крайней мере не хочется ли тебе этак, вставши поутру, поскорей бы на воздух? Или вот, например, скажи мне, братец: можешь ли ты сейчас поутру ваниматься чем-нибудь? Не чувствуешь ли ты этакой тоски... лени?

Никита (*с улыбкою махнув рукою*). Не знаю, что вы такое говорите! Наше известное дело: не хочешь, да делаешь...

Вон за водой сходишь, сапоги вычистишь, самовар тоже велишь поставить поваренку... Не этакая жизнь-то, как ваша: валяться некогда!

Дурнопечин (*рассердясь*). Что ты за околесную городишь? Черт тебя знает: о сапогах да о самоваре мелешь! Все не то говоришь, о чем тебя спрашивают.

Никита. Что мне говорить-то?.. Я ведь не барин какой-нибудь поученой.

Дурнопечин. Ну, ладно, ступай!

Никита хочет уйти.

(*Проведя рукою по лбу и сконфуженным голосом.*) Никита, стой... Не уходи! У меня опять, братец, изнурительная испарина показалась.

Никита. Ничего нет, никакой совсем испарины не бывало.

Дурнопечин. Как нет?.. Дай-ка сюда руку! (*Берет у Никиты руку и водит ею по своему лбу.*) На лбу-то не чувствуешь? Что, нет?.. А? Нет, спорщик этакой?

Никита. Ну что ж?.. Есть!.. показала маленькая!.. Вы ведь, уже известно: давнишний трус. Еще молоденьким были, – прыщик, бывало, какой-нибудь вскочит: «Ой, совсем погиб и не вылечусь».

Дурнопечин. Хорош теперь прыщик!.. Упадок всех жизненных сил. В лечебнике именно сказано; «начинается тос-

кою, апатиею, а там и конец делу»!

Никита. Ну да, как же! Вы все знаете.

Дурнопечин. Конечно, знаю.

Никита. Бога, сударь, вы только гневите, вот что-с. Накликаете на себя разные болезни.

Дурнопечин. Где же я накликаю? Испарину, я думаю, ты сам видел.

Никита. Что ж испарина? Испарина у кажинного человека есть.

Дурнопечин. Однако у тебя ее нет.

Никита. Почему я знаю... может, у меня есть!.. Настоящим-то манером вы, видно, больны-то еще не бывали, – да-с! А вон как я в Москве, в мальчиках, в горячке лежал, так вот уж лежал: оглох совсем, ни руки, ни ноги не владели; доктора говорили, что беспременно умру, а после через месяц, по милости божией, так начал кашницу уписывать, только давай; харч ей-то только исправных не было.

Дурнопечин. Горячка!.. Что такое горячка?.. В горячке человек или выздоровеет, или совсем умрет, а у меня другое дело...

Никита. Ау вас и совсем ничего нет – вот что у вас! Так вы только больно уж робки, лучше бы погулять, сударь, сходили: на базаре народу видимо-невидимо!

Дурнопечин. Мне бы самому хотелось, да не холодно ли?

Никита. Никакого нет холода; лучше проветритесь.

Дурнопечин. Ну, хорошо!.. Что же я надену?

Никита. Так ступайте, пальто-то ватное.

Дурнопечин. Нет, нельзя так!.. Простудишься! Дай хоть кашемир.

Никита. Зачем кашемир?.. Лучше простынете!

Дурнопечин. Какие ты глупости говоришь? Давай, когда велят: – весь в испарине, а ступай в одном пальто.

Никита подает кашемир, которым Дурнопечин старательно обматывает себе шею, закладывает уши пенькою и, надев теплую шапку и калоши, идет.

Никита (*вслед ему*). Что обедать-то прикажете готовить?

Дурнопечин (*за сценою*). Ну, что-нибудь, братец, как будто не знаешь.

Явление III

Никита (*с сердцем*). Да я почем знаю; теперь вот не говорит, а ужо станет спрашивать, отчего того да другого нет. (*К публике.*) Каждое утро этикие штуки откальвает, поди ты: что с ним сделаешь? (*Передразнивая Дурнопечина.*) «Ой, не могу ничего есть, ой, ничего не надо, и слышать, говорит, о пище не могу»; а как проголодается, так всего давай; уписывает так, что за ушами трещит; а наестся, опять за те же манеры, удивительная вещь – право!.. Болен, говорили вон в Москве, в какой-то апохондрии, – экая болезнь славная!.. Все на ногах, да ничего и не худеет. С жиру бесится – вот что – да!.. Как бы посадить на постные щи да заставить бы, как мужика, воза два дров перерубить, так бы все прошло!.. Расхныкался, зачем вот пот в ваточном сертуке прошибает, – экая беда случилась!

Явление IV

Появляется Настасья Кириловна, а за ней Ваничка.

Настасья Кириловна (*растопыривая перед Никитой руки*). Никитушка! друг мой... тебя ли я вижу? Еще господь бог привел с вами встретиться... Поцелуемся, друг мой! (*Хочет поцеловать Никиту.*)

Никита (*целуя у ней руку*). Как возможно-с!.. Пожалуйста ручку.

Настасья Кириловна. Ничего, ничего, мой друг, лучше бы поцеловались... Ох, задохнулась, бежавши... Сейчас только узнала, что вы здесь; но где же дядюшка-то? Дай мне его, ненаглядного, поскорее увидеть.

Никита. Они гулять ушли.

Настасья Кириловна. Как гулять ушел? Разве он ходит еще? А ведь меня напугали, сказали, что он ужасно болен.

Никита. Здоровье наше известное, каждый день все хвораем.

Настасья Кириловна. Слышала, слышала... и ты-то, Никитушка, что-то похудел, точно лицо-то ободранное... и ты-то уж не болен ли?

Никита. Нет-с, я ничего: мы не господа, хворать не любим.

Ваничка, смотревший первоначально на потолок, на стены, подошел к большому зеркалу и начал оглядывать себя в разных положениях.

Настасья Кириловна. Что говорить, конечно: человек простой всегда бывает здоровее; но дядюшка-то... Ах, творец небесный! Все это время я как будто бы предчувствовала: в город ехать не надобно, а хочется... Ваничка тоже подмывает; но Алексей Яковлич у меня ведь прескупой-скупой на лошадей: как ехать куда-нибудь, так и история, хоть до драки дело! Ну, думаю, впрочем, ничего! Встала сегодня еще в четыре часа утра, велела потихоньку заложить бричку, разбудила Ваничку: поедем, говорю, друг мой, покуда папенька спит, так в пять часов и укатили, он еще и не просыпался. Да ты узнал ли, Никитушка, моего Ваничку-то? Посмотри, батько, какой молодец вырос! Ваничка, поди, друг мой, познакомься, – это камердинер дяденьки.

Ваничка (*с важностью Никите*). Ты лакей, что ли, дедушкин?

Никита (*мрачно*). Лакей-с.

Настасья Кириловна. Еще какой лакей-то?.. Редкостный, можно сказать, по своему усердию. Вон и я своей прислуге все говорю: вот, говорю, берите пример с дяденькина человека, вот служит, так служит! (*Обращаясь к сыну.*) Ваничка, тебе, может быть, трубки покурить хочется? Угости его, Никитушка, трубочкой! У вас, богачей, верно, уж есть

табак. Он у меня презастенчивой, никогда сам ничего не попросит.

Никита. Ну, этого добра у нас нынче и в заводе нет; барин с полгода как перестал курить, доктора запретили.

Ваничка (*с досадой*). Что это, маменька, вы все просите! У меня свои папиросы есть. (*Вынимая из кармана самодельную папироску, Никите.*) Дай мне огня!

Настасья Кириловна. Ну, когда есть, так и прекрасно! Дай ему, Никитушка, огня, да Расскажи мне что-нибудь про дядюшку.

Никита (*подавая Ваничке спички, который закуривает папироску*). Что дядюшка?.. Слава богу— ничего!

Настасья Кириловна. Очень он слаб?

Никита. Ничего-с!

Настасья Кириловна. А бледен этак и худ?

Никита. И этого ничего нет!

Настасья Кириловна. Ударов с ним не бывало ли? Нынче все больше удары поражают.

Никита. Какие удары?.. Так вот только робки они очень и сумнительны.

Настасья Кириловна. Ты этого не говори, Никитушка! Эти параличи прескрытная болезнь: вначале их и заметить трудно, а тут вдруг одним разом и покончит... сделал ли он по имению-то своему распоряженье? Ведь бездетный, Никитушка, сам согласись. Вот хоть бы взять с тебя: дал ли он тебе вольную-то? Обеспечил ли тебя?

Никита (*стыдливо*). Нет-с, не давал...

Настасья Кириловна. Стало быть, он ничего этакого о духовной не думал, завещания еще никакого не писал?

Никита. А бог их знает... Со мной не станет об том говорить.

Настасья Кириловна. Конечно, конечно, Никитушка! Я только так спросила, потому что неровен час... Эти вещи всегда нужно делать заблаговременно, а особенно при слабом здоровье... Ваничка, не хочешь ли, друг мой, чаю? Тридцать верст ведь проехали... Угости, Никитушка, чайком, да и хлебца белого вели подать: есть что-то хочется.

Никита. Сию минуту-с! (*Уходит.*)

Явление V

Настасья Кириловна и Ваничка.

Ваничка. Мы здесь долго, маменька, просидим? Мне к Надежде Ивановне хочется.

Настасья Кириловна. Ах ты, дурачок, дурачок этакой! Балую я тебя очень: не то бы мне с тобой надобно делать. Какой еще ты жених.

Ваничка. Вот вы, маменька, и на попятный двор – это уж подло... У ней сто душ-с. Я вам денег за это дам; мне жениться на ней очень хочется. Она добрая-с: все со мной заигрывает.

Настасья Кириловна. Не пойдет она, мне кажется, за тебя, Ваничка! Конечно бы, недурно, да молод ты еще очень.

Ваничка. Нет, маменька, ничего, пойдет! Я ей одну штучку скажу, так пойдет.

Настасья Кириловна. Ах, боже мой, боже мой! Молодо-зелено. Но только, друг мой, погодим еще; здесь еще нам надобно побыть, здесь-то нам большая польза может быть!.. Посмотри-ко, комната-то, какая отличная!.. Вещи-то все какие богатые... Поди-ко сюда, погляди: какое пальто бесподобное. Вот бы тебе такое; я думаю, чай, впору будет.

Ваничка (*рассматривая пальто*). Да-с, маменька, пальто важное; пуговицы, должно быть, московские, здесь таких

совсем нет.

Настасья Кириловна. У него все московское, – страшный ведь богач! Надень-ка, примеряй, друг мой!

Ваничка надевает и охорашивается.

Ах, как прелестно на тебе сидит... бесподобно! Ну, погоди, друг мой, мы у него как-нибудь его выханжим.

Ваничка (*смеясь*). Не даст, маменька, жалко будет.

Настасья Кириловна. Ай нет, не говори; он предобреший и преродственный всегда был, а теперь и подавно: куда ему беречь. Говорят, не сегодня, а завтра ляжет в могилу. (*Таинственным полупшепотом.*) Я даже думаю о духовной его попросить: не сделает ли он духовной на наше семейство.

Ваничка (*еще более смеясь*). Ой, маменька, какие, я вижу, вы ловкие. Недаром папенька говорит, что вам бы на бедность ходить собирать: вы бы у мертвого выпросили.

Настасья Кириловна. Что же такое? Это не воровство какое-нибудь: женщина не мужчина, чем ей промышлять для семейства? А папеньке твоему уж обыкновенно: чем бы-нибудь только да обидеть меня! (*Подходя к столу.*) Ах, здесь-то, здесь-то, Ваничка, посмотри: какие прелести. (*Берет папиросницу.*) Это что еще такое? Бумажник, что ли?

Ваничка. Нет, маменька, это папиросница. Вот бы это мне нужна штука!

Настасья Кириловна. Возьми!

Ваничка (*сомневаясь*). Ай нет, стыдно!

Настасья Кириловна. Ничего, возьми, право, возьми, я ему сама после скажу. Из кармана-то у тебя совестно уж будет взять. (*Сует ему папиросницу в карман.*)

Ваничка. Ну, маменька, смотрите, как он рассердится да браниться начнет.

Настасья Кириловна. Вот пустяки: этакой благородный человек рассердится! Еще очень будет рад, что по-родственному без церемонии позаимствовались.

Ваничка. Ну, ладно, маменька, я все на вас сворочу: прямо скажу, что это вы подтибрили.

Настасья Кириловна. Ну, хорошо, говори на меня, что с меня, старухи, взять. (*Осматривая комнату.*) Чего бы у него еще попросить? Право, уж и не знаю... Разве вот шапку тебе бобровую. Помнишь, ты у меня еще все просил.

Ваничка. Ну, уж это дудки-с!.. Эта вещь дорогая, – рублев пятьдесят стоит. (*Надевает шапку, сворачивает ее набок и смотрится в зеркало.*) А ведь славно, маменька, точно какой турка.

Явление VI

Те же и Дурнопечин.

Настасья Кириловна (*всплеснув руками*). Ах, дядюшка!.. (*Бросается обнимать Дурнопечина.*) Ваничка, обнимай дедушку!

Ваничка быстро снимает шадку и тоже обнимает его.

Батюшко!.. Милой вы мой! Красавец вы мой, бесценный! Вас ли я вижу, ненаглядный вы мой!.. Ваничка, поди, поцелуй у дединьки ручку!

Ваничка хочет поцеловать, но Дурнопечин не дает ему руки.

Дурнопечин.. Полноте, не надобно, мой милый. (*Едва приходя в себя от всех этих объятий и выходя на авансцену.*) А я вас сначала и не узнал.

Настасья Кириловна (*следуя за ним*). Мудрено ли, кровный мой! Десять лет ведь не видались. (*Показывая на сына.*) Позвольте, дядюшка, Ваничку моего вам представить – старший сын мой, дядюшка.

Ваничка (*расшаркиваясь перед Дурнопечиным*). Я вас,

дедушка, вовсе не таким воображал.

Дурнопечин (*более погруженный сам в себя*). А каким же?

Ваничка. Да я думал, что вы сусами-с!

Настасья Кириловна (*перебивая сына*). Он, по нашим-то словам, дядюшка, вас воображал таким молодцом, каким прежде вы были.

Дурнопечин. Стало быть, я очень переменялся?

Настасья Кириловна. Ах, дядюшка, узнать нельзя. Вот как бы, кажется, на дороге встретились да наплевали в глаза, так и тут бы не признала.

Дурнопечин (*грустным голосом*). Все болен, Настасья Кириловна.

Ваничка. Вы бы, дедушка, верхом катались... Вон у папеньки только от этого и проходит.

Настасья Кириловна (*перебивая его*). Что это, Ваничка, ты про папеньку говоришь, у него уж болезнь известная – геморрой, от которой моционом лечатся. А дядюшка, как я вижу, так весь расстроен.

Дурнопечин (*еще более грустным голосом*). Именно весь расстроен, не об лечении надобно думать, а о другом.

Настасья Кириловна (*тоже грустно*). Что это; дядюшка... Конечно, болезнь, видно, большая, однако, мой бесценный, почему же и не пользоваться: вот бы вы попробовали каждое утро огуречный рассол пить или можжужшной квас! Одна моя знакомая так от водяной этим вылечилась, да и во-

дяная-то с ней от пьянства приключилась, доктора сказали, что просто неизлечима.

Дурнопечин. Вздор какой!.. Поможет мне огуречный рассол.

Ваничка. Вы, должно быть, дедушка, в самом деле этакой больной, все только про болезнь говорите.

Дурнопечин. Не удивляйся, братец! Может быть, и сам будешь такой же хилой, как я...

Настасья Кириловна. Но что такое с вами, отец мой? Скажите на милость.

Дурнопечин (*с горькой улыбкой*). Что такое со мной? Видишь, ничего!

Настасья Кириловна. Да вы уж очень, дяденька, в отчаянье-то приходите. Если даже вы и дурно себя чувствуете, добрые дела по крайней мере старайтесь делать; это, дяденька, лучше всяких докторов помогает! Вот вы приехали сюда, не забудьте-ко ваших родных, которые вас истинно любят и уважают, так поверьте, что сейчас же все пройдет! (*Переминаясь.*) Вот бы я, дяденька, с пребольшой моей просьбой к вам; знаете, я думаю, отец мой, наше состояние! семейство большое, а воспитывать нечем! Ваничку теперь, по несчастию, выключили из гимназии, за непонятие в науках. Надобно бы в службу определить, а одеть не на что!.. Вот нынче пальты все носят, а у него ничего нет! Не пожалуете ли ему, отец мой, вон это серое пальтишко?.. У вас оно, я думаю, валяется, а он бы в нем по праздникам нащеголялся.

Ваничка, друг мой, проси дедушку, что это ты какой застенчивый!

Ваничка (*сконфузившись и улыбаясь*). Дедушка!

Дурнопечин. Разве оно тебе нравится?

Ваничка. Нравится, дедушка!

Дурнопечин. Возьми!

Настасья Кириловна и Ваничка опять ловят у Дурнопечина руку, чтобы поцеловать ее.

(По-прежнему не давая руки с некоторой досадой.) Перестаньте!.. Что за глупости.

Настасья Кириловна (*почти сквозь слезы*). Вы, дядюшка... вот бы... господи боже мой, и говорить-то не смею! Презентуйте ему, отец мой, еще шапочку... Стыдно сказать, а головы прикрыть нечем.

Дурнопечин. Какую это?

Настасья Кириловна. Да вон бобровую-то, дяденька! Она у вас уж и поистерта.

Дурнопечин (*с явной уже досадой*). Возьмите, пожалуй!

Настасья Кириловна (*совсем плача*). Один только бог может вас наградить, что не оставляете сирот, Ваничка, на день же все подарки-то и покажись дедушке.

Дурнопечин. Нет, после... Я после на него посмотрю. *(Садится за стол и в каком-то отчаянии опускает голову на руки.)*

Настасья Кириловна (*всплескивая руками и как бы в сторону*). Легче бы, кажется, глаза мои не видели этого человека. (*Обращаясь к Дурнопечину и сильно убеждающим тоном.*) Вы, дяденька, по крайней мере вспомните то, что есть старики, которые, что называется, доживают последние минуты, и те... ну, обыкновенно думают, как бы заблаговременно распорядиться, чтобы память их могли помянуть настоящим образом... Я вот только говорить вам не смею... Ну, да, впрочем, кого любишь, так говорить можно прямо: человек вы холостой, одинокий, – подумали ли вы, отец мой, о духовной... Этого дела всякому человеку никогда откладывать не следует.

Дурнопечин (*с горькой улыбкой*). Так, по-твоему, мне пора уж подумать и о духовной?

Настасья Кириловна. Я, дяденька, не к этому говорю. Конечно, вам не последний еще пришел конец; но ведь, отец мой, этакое важное дело надобно делать, ах! в каком здравом рассудке.

Дурнопечин. В здравом рассудке! Да, конечно!.. А у меня уж скоро совсем его не будет... Спасибо, хоть правду говоришь.

Настасья Кириловна. Всегда, дяденька, говорю правду, такой уж глупой характер... Вот хотя бы и про себя – не могу перед вами скрыть: бедность, дяденька, совсем меня погубила – Алексей Яковлич ничего не дает мне на семейство: чайку, дяденька, по три месяца в глаза не видим, только в

гостях где-нибудь и полакомимся, а дома, не поверите, все сидим на простых щах... Не осчастливьте ли, благодетель мой, не пожалеете ли чего-нибудь по дарственной или хоть по духовной!.. Человек вы холостой. У вас все прахом пройдет... Ваничка! Что это ты сидишь – умоляй дедушку благодетельствовать тебя!

Ваничка встает.

Дурнопечин (*махая им рукой*). Ну, хорошо... ладно... я сделаю, только ступайте, уйдите туда, в гостиную.

Настасья Кириловна (*струсив*). Дядюшка! Да вы не осердились ли?

Дурнопечин. Нет, уйдите только поскорее.

Ваничка. Пойдемте, маменька! Дедушка, может, соснуть хочет!

Настасья Кириловна (*робко*). Пойдем!

Явление VII

Дурнопечин (*протягиваясь на диване, на котором сидел*). Все кончено теперь! Все это видят и знают; а я, глупец, думал еще жить, думал жениться, послужил бы даже, а вот теперь женись и служи, особенно при таком сердцебиеении. (*Хватая себя за бок*.) Пожалуй, и сейчас лопнет артерия. (*Кричит с испугом*.) Никита! Никита!.. Где ты, злодей этакой!.. Поди сюда.

С противоположных сторон вбегают Никита и Настасья Кириловна с Ваничкой.

(*Продолжая кричать*.) Доктора мне и священника!.. Умираю!.. Умираю!

Никита (*немного уже и испуганный*). Ах ты, царь небесный, что это за барин такой! (*Обращаясь к Настасье Кириловне и Ваничке*.) Поглядите за ним маненичко, а я побегу. (*Поспешно уходит*.) Настасья Кириловна и Ваничка приближаются к Дурнопечину.

Дурнопечин (*все более и более ослабевающим голосом*). Умираю... умираю! Боже, очисти грехи мои и помилуй меня!.. (*Затем бормочет какие-то совсем несвязные слова и наконец закрывает совсем глаза*.)

Настасья Кириловна и Ваничка смотрят на него с испугом.
Занавес падает.

Действие второе

Зала в доме Канорич.

Явление I

Надежда Ивановна выходит, задумавшись. Михайло Иванович идет за ней молодцом и курит.

Михайло Иванович. Ну так как же?.. У вас с ним и того!

Надежда Ивановна (*в раздумье*). Да!

Михайло Иванович. Экая ракалия – скажите пожалуйста! Нет, барин, шалишь... Не на того напал. Михайло Иванов сам из обожженных кирпичей... Ух, как я этих-то господ умею учить!.. Как, например, их мошеннические физиономии умею встряхивать! чудо! Без бани жарко у меня будет.

Надежда Ивановна. Не кляни его, Мишель: он не виноват!

Михайло Иванович. Прах его побери: виноват он тут или нет! Я не приказная строка, вины разбирать; а по-нашему, если он благородный человек, так фокусы выкидывать нечего, а поступай начистоту.

Надежда Ивановна. Он любил меня! Ах, если б ты только знал, как он любил меня... Если бы ты видел, сколько прекрасной души в этом человеке!

Михайло Иванович. Ну, а теперь что же? Теперь-то куда душа у него девалась? На Нижегородскую, что ли, прекрасная душа его уехала?

Надежда Ивановна. Теперь он совсем переменялся: его

узнать нельзя.

Михайло Иваныч. Эге, любезнейшая! В том-то и штука, как он смел перемениться! Знаем мы эти дела: шамшурку где-нибудь завел, так и тянет в другую сторону. Врет, мой милый, отобьем! Слава богу, у Михаила Иванова никто еще от рук не отбивался: так пугну, что портрет мой спишет да каждый день и будет ему кланяться, чтобы помиловал. Ох, какой ведь я крутой человек на этих господ: трудно, больно трудно со мной справляться! У Михаила Иванова вот какой характер: как где увидит он этого шелкопера, так руки и чешутся, чтобы дать барину урок, да такой урок, чтобы до новых веников не забыл. Эх, сестренка! не знаешь ты своего братишку, – огневой я человек!

Надежда Ивановна. Мишель, у меня к тебе одна просьба: не брани его так, не проклинай и прости... Ты посмотри на него, как он грустен и печален.

Михайло Иваныч. Ах вы, бабы! Вам бы все сентиментальничать, а дела вы настоящего не понимаете. Ты в него влюбилась, да и замуж тебе хочется, ну, так и женись, каналья, когда случай есть.

Надежда Ивановна. Но если он, братец, любит другую, если он изменил мне в своих чувствах?

Михайло Иваныч. Тю-тю-тю! Изменил в чувствах, любит другую! Скажите пожалуйста, какие сентиментальности! Мало чего нет, да на деле выходит, чтобы женился, так и женись.

Надежда Ивановна. Не будь так жесток, Мишель! Но только сходи к нему ж расскажи ему будто так историю, что одного человека любила одна девушка и в продолжение десяти лет только об нем и думала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.